

УДК 82.03; 82:81"255.2

ПЕРЕВОД КАК ПАССИОНАРНАЯ СИЛА В «СРЕДИННОЙ КУЛЬТУРЕ»

© Альбина Саяпова

TRANSLATION AS PASSIONARITY IN "MIDDLE CULTURE"

Albina Sayarova

Based on the works of European, Russian poets of the 19th century and the Tatar poet of the early 20th century G. Tukay, the article considers the problem of translation (interpretation) in its passionarity. Receptivity of otherness reveals the person's creativity, which develops the power of attraction, extending the horizons of possibilities for the creator. Passionarity of a creative person, manifesting itself in receptivity and in the power of attraction, contributes to the rise of different forms of connections and relations between literatures, owing to which I. Goethe's dream of "world-wide literature" comes true. The receptivity of G. Tukay's poetical talent forms passionarity of his works and develops the patterns of "general rules" for Tatar poetry in the early 20th century, making it possible for the poet's lyrics to enter the cultural context of world literature.

The article considers the problem of translation, based on G. Tukay's lyric poetry, in the context of the emerging Tatar "middle culture" in the early 20th century. Here, we examine both G. Tukay's works with references to Western poets through Russian texts and the works in which these references are not evident. However, we can assume they are possible as this fact extends the interpretations of Tatar poet's creative connections with world poetry and, in particular, with Western poetry.

Keywords: translation, passionarity, "middle culture", I. Goethe, G. Heine, A. S. Pushkin, A. A. Fet, G. Tukay.

На примере творчества европейских и русских поэтов XIX века, а также татарского поэта начала XX века Г. Тукая рассматривается проблема перевода (интерпретации) в его пассионарности, поскольку в восприимчивости к «чужому» проявляется творческая сила личности, которая формирует и силу притяжения, расширяя горизонты возможностей творца. Пассионарная сила творческой личности, проявленная как в восприимчивости, так и в силе притяжения, способствует зарождению различных видов связей и отношений между литературными явлениями, литературами в целом, благодаря чему и формируется то, о чем мечтал И. В. Гете, – «всемирная литература». Восприимчивость поэтического дара Г. Тукая формирует пассионарную силу его творчества, благодаря которой и были наработаны закономерности «общего правила» татарской поэзии начала XX века, позволяющие лирике поэта быть вписанной в культурный контекст мировой литературы.

На примере лирики Г. Тукая проблема перевода представлена в контексте формирования татарской «срединной культуры» начала XX века. В статье рассматриваются не только те произведения Г. Тукая, в которых очевидны ссылки на западных поэтов через русские тексты, но и те, в которых эти ссылки не очевидны, но их можно предположить как возможные, что, естественно, расширит горизонты толкований творческих связей татарского поэта начала XX века с мировой поэзией, в частности с западной.

Ключевые слова: перевод, пассионарность, «срединная культура», И. В. Гете, Г. Гейне, А. С. Пушкин, А. А. Фет, Г. Тукай.

В рамках данной статьи представляется интересным обращение к отдельным представителям «срединной культуры» в русской и зарубежной литературе, сыгравших свою культурно-историческую роль в формировании «ядра» татарской национальной литературы начала XX века в лице Г. Тукая. С этой целью будут рассмотрены отношения татарского поэта с русской поэзией XIX века, с тем чтобы найти творческие переключки поэзии Г. Тукая не только с русской

лирикой, но и с западной. В понятии «отношения» нас будет интересовать прежде всего проблема перевода, осмысленного как интерпретация.

Термин «срединная культура» и его определение мы заимствуем из работы Б. С. Ерасова «Цивилизация. Универсалии и самобытность», по мнению которого «срединная культура» является как бы соединительным звеном между элитарной и массовой культурами. Она формируется

в разных подсистемах культуры, в том числе и в подсистемах, представляющих литературу, изобразительное искусство, музыку [Ерасов, с. 144]. Термин Б. С. Ерасова начинает входить и в филологическую науку (см. подр.: [Между дисгармонией и гармонией: проблемы «срединной культуры»]).

При решении проблемы перевода есть смысл говорить о пассионарной силе в контексте понятия «срединная культура». Смеем утверждать, что именно пассионарность и формирует «ядра культуры», или «центральные зоны культуры», в литературе Запада и Востока (термины Б. С. Ерасова), поскольку обращение к «чужому» и содержит в себе пассионарную силу притяжения, которая является необходимым условием формирования «срединной культуры».

Если говорить о пассионарной силе какой-либо литературы в выражении общечеловеческого и национального, то это – проявление выраженной экспансивности творческих жизненных сил в рамках литературного процесса или явления. О пассионарной силе русской литературы XIX века гениально высказался Ф. М. Достоевский в своем очерке «Пушкин». Во «всемирной отзывчивости» А. С. Пушкина, то есть восприимчивости, Ф. М. Достоевский видит силу русской литературы, ее пассионарность как выражение национальной жизненной силы, в которой и проявляется ее активность, способствующая развитию. Благодаря своей восприимчивости русская литература достигла высот, определивших характер не только национальной, но и мировой литературы, а вместе с ней и философии.

О том, как благодаря восприимчивости формируется «срединная культура» в литературе как ее ядро, можно говорить на примере пассионарности И. В. Гете, Г. Гейне, творчество которых сыграло существенную роль в формировании поэтического мира Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, художественное слово которых является доказательством диалога творческого сознания русских поэтов с Западом, а через него и с Востоком.

Если говорить о И. В. Гете, то необходимо брать три «фокусные точки» его творчества: это «Страдание юного Вертера» (1774), «Фауст» (1773–1831), «Западно-восточный диван» (1819). Философско-эстетические принципы немецкого романтизма как «большая традиция» (термин Б. С. Ерасова), определившие характер творчества И. В. Гете и Г. Гейне, становятся носителем «общего правила», общей закономерности, в результате чего снимаются крайности ценностных ориентаций: народное – антинародное, высокое – низкое и т. д.

Огромный опыт человечества, использованный И. В. Гете при работе над «Фаустом», и формирует его как явление «срединной культуры», как носителя «общего правила» европейского романтизма с его философскими, эстетическими и этическими принципами. По мысли Н. Я. Берковского, романтическая Европа восприняла «Фауста» И. В. Гете как произведение, совпадающее по пафосу своему с нею самой [Берковский, с. 165]. И как таковой он обладает пассионарной силой, проявленной в силе притяжения.

«Фауст» И. В. Гете притягивает к себе внимание и русского поэта Ф. И. Тютчева, который создает цикл «Из „Фауста“ Гете», состоящий из пяти стихотворений, написанных в конце 1820-х – начале 1830-х годов. Переводы Ф. И. Тютчева сделаны из первой части «Фауста».

Осознанное, открытое обращение Ф. И. Тютчева к И. В. Гете говорит о пассионарной восприимчивости русского поэта, мотивированной внутренней потенцией Ф. И. Тютчева, которая входит в резонанс с гетевским текстом. Об этой внутренней связи Н. Я. Берковский высказался так: «Тютчев переводил монологи Фауста из сцены первой, как если бы они были также и его собственным высказыванием» [Там же].

Подобный резонансный контакт способствовал формированию в творчестве Ф. И. Тютчева новых поэтических образов (хаоса, бездны, беспредельного и др.), которые в рамках «упорядоченной структуры» (В. Дрюк) русского романтизма, вступая во взаимодействия друг с другом, образуют поэтическую картину мира в русской философской лирике. Так определяется предпосылка характера межтекстовых отношений Ф. И. Тютчева и И. В. Гете.

Таким образом, пассионарность, проявленная Ф. И. Тютчевым, обнаруживается прежде всего в диалоге творческого сознания Ф. И. Тютчева с И. В. Гете, о чем пишут В. М. Жирмунский (см. подр.: [Жирмунский]), Ю. Н. Тынянов (см. подр.: [Тынянов]), Н. Я. Берковский (см. подр.: [Берковский]).

Пассионарность Г. Гейне тоже проявляется прежде всего в интересе к народному творчеству, народной песне. Народную песнь он нашел на страницах «Волшебного рога» – сборника народных песен, собранных Арнимом и Брентано, содержание которых говорит о фольклорных традициях европейской литературы, в известной мере связанных с поэзией трубадуров, которые представляли собой ответвление одного из суфийских направлений. По мнению востоковедов, между поэзией великого певца любви Хафиза и песнями трубадуров много общего [Шах, с. 355].

Творчество Г. Гейне как автора сборника стихов «Книга песен», куда входят «Лирическое интермеццо» и «Возвращение», в которых прослеживается определенная схожесть с лирикой Хафиза, становится явлением «срединной культуры» немецкого романтизма и как таковое начинает обладать пассионарной силой притяжения (аттрактора). Зародившийся интерес А. А. Фета к творчеству Г. Гейне – один из примеров этой силы (см. подр.: [Саяпова]).

Представляя проблему формирования «срединной культуры» в татарской литературе, возьмем лирику Г. Тукая, творчество которого нам будет интересно в его отношениях с русской лирикой XIX века и через нее – с западной поэзией. Известно, что Г. Тукай активно обращался к русской поэзии XIX века: А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, И. А. Крылову, А. Н. Майкову, И. С. Никитину, И. З. Сурикову, Н. И. Познякову и др. Известны работы Э. Г. Нигматуллина о диалоге татарской литературы с русской и зарубежной [Нигматуллин, 1972], [Нигматуллин, 1977], а также труды Ю. Г. Нигматуллиной о включенности татарской литературы в художественно-эстетические процессы начала XX века [Нигматуллина, 2014, № 2], [Нигматуллина, 2014, № 3]. Кроме того, назовем монографию В. Р. Аминовой «Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели» как одну из последних работ, в которой рассматриваются проблемы отношений «Тукай – русская литература». Исследователь констатирует, что в одних случаях речь идет о влиянии, в других – о параллелях между русской и татарской литературами; в-третьих, речь идет об этапах изучения литературных связей Тукая с русской, европейской и восточной поэзией (см. подр.: [Аминова]). Нам важно то, что обращения Тукая к другому литературному материалу в одних случаях давали результаты в форме переводов-интерпретаций, в других – обращение к «чужому» становилось поводом для рождения собственного произведения. В контексте сказанного нас интересует то, как эта восприимчивость к «чужому» расширяет горизонты творческих возможностей татарского поэта, дает ему возможность быть вписанным в культурный контекст мировой литературы. И самое главное – восприимчивость поэтического дара Г. Тукая формирует пассионарную силу его творчества, благодаря которой и были наработаны закономерности «общего правила» татарской поэзии начала XX века. Следовательно, нас будут интересовать те произведения Г. Тукая, в которых существует творческая связь поэта с западной поэзией через русское посредство. Здесь можно, как нам представляется, гово-

рить не только о тех произведениях Г. Тукая, в которых очевидны ссылки на западных поэтов через русские тексты, но и о тех, в которых эти ссылки не столь очевидны, но их можно предположить как возможные, что, естественно, расширяет горизонты толкований творческих связей татарского поэта начала XX века с мировой поэзией, в частности с западной.

Сказанным выше определяется наше внимание к тем стихотворениям Г. Тукая, в которых нет явных указаний на обращения к тем или иным авторам, произведения которых и представляют интерес с позиций нашего толкования интертекстуальных связей текстов поэта.

Возьмем, к примеру, стихотворение Тукая «Киңәш» («Совет») (1909) [Тукай, т. 2, с. 66], которое, по свидетельству комментаторов, написано под влиянием стихотворения русского поэта Н. И. Познякова «Не жалею о днях минувших» [Там же, с. 320]. Подчеркивается и то, что, по причине отдаленности от оригинала, текст Г. Тукая воспринимается в качестве самостоятельного произведения. Интересно то, что более пристальное вчитывание в текст стихотворения выводит нас на интертекстуальные связи не только с Н. И. Позняковым, но и с А. С. Пушкиным, а через него с Г. Гейне.

Стихотворение состоит из трех двустиший, бейтов, каждый из которых включает законченную мысль. Данное стихотворение совершенно очевидно перекликается со стихотворением А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» [Пушкин, с. 352]. Афористично выраженная мысль А. С. Пушкина о жизни в ее изменчивости, непостоянстве (*«Если жизнь тебя обманет, / Не печалься, не сердись»*) является как бы тезисным выражением содержания тукаевского стихотворения. Семантическая структура обоих текстов держится на антитезе «жизнь – противостояние жизни», экзистенциальная суть которой сводится к мысли о том, что жизнь (судьба) всегда сильнее человека, однако человек не должен чувствовать себя обреченным, обязан, не падая духом, верить в лучшее. И потому у А. С. Пушкина – *«В день уныния смирись: / День веселья, верь, настанет»*, а у Г. Тукая – *«Нет пользы в сожалении – нельзя их вернуть. / Не проливай слезы: в любое время в помощь есть Бог»*.

Любопытно и то, что стихотворение Г. Тукая, перекликающееся со стихотворением А. С. Пушкина, имеет общее и со стихотворением Г. Гейне «Тени, тени – все для тлена...» [Гейне, с. 129]. Заметим, что еще при жизни Тукая знатоки и почитатели поэта находили в его творчестве сходство с Гейне (см. подр.: [Халит]).

Пушкинско-гейновский образ «*все мгновенно*» у Г. Тукая выражается двойной метафорой: «*годы твоей жизни <...> развеяны ветром. / Уплыли они в течение твоей жизни*». Вместе с тем своей оптимистической оценкой человека в его противостоянии жизни Г. Тукай ближе к А. С. Пушкину, чем к Г. Гейне, у которого доминирует пессимистическая тональность. Пушкинское двустручие «*Все мгновенно, все пройдет; / Что пройдет, то будет мило*» – это поэтический афоризм, ставший формулой жизни.

Если говорить о тех произведениях Г. Тукая, в которых очевидны ссылки на западных поэтов через русские тексты, то, в контексте выявления текстуальных связей лирики Г. Тукая с лирикой Г. Гейне, можно обратиться к стихотворению «*Кемнэн ярдэм эзлэргэ?*» («*У кого искать помощи?*») (1908) [Тукай, т. 1, с. 255]. Стихотворение имеет подзаголовок: «*Майковтан тәржемә*» («*Перевод из Майкова*»). Комментаторы текстов поэта снабжают нас ценным указанием на то, что тукаевский текст является переводом-интерпретацией стихотворения русского поэта второй половины XIX века А. Н. Майкова «*Много слышал добрых я советов...*»; оно входит в цикл его переводов и вариаций из Г. Гейне, написанный в 1852–1867 годы [Там же, с. 374]. Ирония как эстетическая тональность стихотворения Г. Тукая отчетливо сближает татарского поэта с Г. Гейне, который одним из первых в немецкой романтической поэзии разработал эту категорию.

У Г. Тукая есть стихотворение «*Шигърият һәм нәсер*» («*Поэзия и проза*») (1911), которое дает нам возможность выйти к поэзии А. А. Фета, ставшей явлением русской «*срединной культуры*», а через нее к поэзии Г. Гейне. Все это позволит нам говорить о пассионарности перевода, осмысленного как интерпретация текста, и связать его с проблемой формирования «*ядра*» татарской национальной поэзии.

Названное стихотворение состоит из диалога двух голосов: голоса поэзии («*чистой поэзии*») и голоса прозы («*прозы жизни*»). Второй голос как диссонанс первому способствует восприятию стихотворения как памфлета на «*чистое искусство*». Естественно, что в цитированных строчках можно найти образы, присутствующие у С. Сунчалая, С. Рамиева и др., о чем пишут комментаторы текстов поэта [Тукай, т. 2, с. 348]. Но более интересным, с нашей точки зрения, является то, что даже беглое знакомство с текстом, взятым в кавычки, вызывает целый ряд ассоциаций, аллюзий со стихотворениями не только татарских поэтов – современников Г. Тукая, увлекшихся поэзией «*чистого искусства*», но и русского классика этого направления А. А. Фета, в частности с

его широко известным «*Шепот, робкое дыхание...*» [Фет, с. 148]. Выявленные ассоциации, как представляется, позволяют воспринимать стихотворение Г. Тукая в качестве перевода-интерпретации фетовского. Да, у Г. Тукая нет ни одного стихотворения с явным обращением к А. А. Фету. Вместе с тем мы не можем сказать, что русская поэзия высокого слога, в силу своей пассионарности ставшая явлением «*срединной культуры*», была поэту неизвестна. Кроме того, поэзия с «*соловьями*» и «*розами*» была для Г. Тукая генетически «*своей*» по причине принадлежности татарской поэзии в своих истоках к восточной, давшей не только татарской поэзии, но во многом и поэзии Европы художественно-эстетические формы выражения Красоты. Сказанное и дает нам право толковать очевидные схождения в форме явных / невольных ссылок на А. А. Фета как перевод-интерпретацию в расширительном понимании этого термина.

Структурно-семантический анализ текстов показал, что Г. Тукай полностью совпадает с А. А. Фетом в части изображения предрассветной природы как гармонии и красоты. В картине мира Г. Тукая есть все то, что есть и у А. А. Фета: «*луны сиянье*», «*гладь воды*», «*созвездий белые лучи*», «*песнь соловья*», «*огонь зари*» и др. Г. Тукай совпадает с фетовским текстом в игре с пространственными образами.

Представляя стихотворение Г. Тукая как интерпретацию фетовского, мы, конечно же, не ведем речь о буквальном переводе. У каждого автора свои стилевые приемы.

Таким образом, стихотворение Г. Тукая «*Поэзия и проза*» позволяет говорить о реальном диалоге татарского поэта с русским миром «*чистого искусства*». Чувство влечения Г. Тукая к поэзии этого рода как необходимое условие начала диалога объясняется и тем, что русская поэзия «*чистого искусства*» своей образной системой находится в архетипическом единстве с поэзией Востока, о чем можно говорить на примере творчества А. А. Фета, в творческом багаже которого имеется два цикла стихотворений с обращением к лирике Востока – «*Из Гафиза*» и «*Подражание восточному*».

Весьма существенным предположением в контексте нашего исследования является то, что художественная система стихотворения Г. Тукая «*Поэзия и проза*» говорит не только об отношениях «*Тукай – русская поэзия „чистого искусства“*», а именно о том, как из «*первичного высказывания*» (стихотворение А. А. Фета) выстраивается возможное «*высказывание вторичное*», в результате чего создается художественная система, интересная в решении поставленной нами про-

блемы перевода как интерпретации текста, но и о возможных / явных отношениях с немецкой романтической поэзией, в частности с поэзией Г. Гейне. Дело в том, что при «транскрипции» генезиса фетовской образной системы нельзя обойтись без обращения к романтической лирике Г. Гейне, которая, в свою очередь, связана с поэзией великого персидского поэта Хафиза.

В свете сказанного представляется интересным обратиться к стихотворению Г. Гейне «Исходя печалью нежной...» из цикла стихов 1812–1831 годов [Гейне, с. 187–188], в котором, как и в двух нами рассмотренных стихотворениях Г. Тукая и А. А. Фета, картина мира выписана в схожем виде, как поэтическая игра с пространством.

Таким образом, рассмотренные интертекстуальные связи лирики Г. Тукая со стихотворениями русских поэтов и через них с произведениями западных поэтов становятся фактором формирования «срединной культуры» в лице Г. Тукая. Явление это позволяет утверждать, что проблема перевода, осмысленная как интерпретация текста, непосредственно связана с проблемой формирования «ядра» татарской национальной поэзии, поскольку обращение к «чужому» содержит в себе пассионарную силу притяжения, которая и является необходимым условием формирования «срединной культуры».

Публикация статьи подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Республики Татарстан научного проекта № 16-14-16027.

Список литературы

- Аминова В. Р. Габдулла Тукай и русская литература XIX в.: типологические параллели. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 160 с.
- Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев // Н. Я. Берковский. О русской литературе. Л.: Художественная литература, 1985. С. 155–199.
- Гейне Г. Избранные сочинения / пер. с нем. М.: Художественная литература, 1989. 702 с.
- Жирмунский В. М. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982. 558.
- Ерасов Б. С. Цивилизация. Универсалии и самобытность. М.: Наука, 2002. 524 с.
- Между дисгармонией и гармонией: проблемы «срединной культуры»: сб. ст. / Под науч. ред. проф. Ю. Г. Нигматуллиной. Казань: Фэн, 2013. 112 с.
- Нигматуллин Э. Г. Татарская литература начала XX века в ее отношении к западноевропейской литературе и эстетической мысли: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972. 232 с.
- Нигматуллин Э. Г. Раздвигая века и границы: к вопросу о связях татарской литературы первой трети XX века с литературой Западной Европы. Казань: Тат. кн. изд-во, 1977. 136 с.
- Нигматуллина Ю. Г. Татавангард как компонент «срединной культуры» // *Tatarica*. 2014. № 2. С. 156–178.
- Нигматуллина Ю. Г. Татавангард: национальная идентичность и евразийское самосознание // *Tatarica*. 2014. № 3. С. 185–203.
- Пушкин А. С. Сочинения: в 3 томах. Т. I. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
- Саяпова А. М. Диалог творческого сознания А. А. Фета с Востоком (Фет и Хафиз). М.: Наука-Флинта, 2010. 165 с.
- Тукай Г. Сочинения: в 6 томах. Т. 1. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 407 с. (на тат. яз.).
- Тукай Г. Сочинения: в 6 томах. Т. 2. Казань: Татарское книжное издательство, 2011. 384 с. (на тат. яз.).
- Тынянов Ю. Н. История русской литературы // Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. С. 158–238.
- Фет А. А. Стихотворения, поэмы. М.: Правда, 1989. 479 с.
- Халим Г. Многоликая лирика. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 336 с.
- Шах И. Суфизм. М.: Клышников, Комаров и К^о, 1994. 445 с.
- Габдулла Тукай эсэрлэре: сүзлек-белешмәлек / төз. һәм кереш сүз авт. З. Рәмиев; фән. мөхләрә З. Рәмиев, З. Шәйхелисламов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. 480 б.

References

- Berkovskiy, N. Ya. (1985). *F.I. Tutchев* // Berkovskiy N. Ya. *O russkoy literature* [On Russian Literature]. Pp. 155–199. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Heine, H. (1989). *Izbrannye sochineniya / per. s nem.* [Selected Works]. 702 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Erasov, B. S. (2002). *Tzivilizatsiya. Universalii i samobytnost'* [Civilization. Universality and Originality]. 524 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Fet, A. A. (1989). *Stikhovoreniya, poemy.* [Verses, Poems], 479 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
- Nigmatullina, Ju. G. (2014). *Tatavangard: nacional'naya identichnost i evrazijskoje samosoznanij* [Tatar Avant-garde: National Identity and Eurasian Consciousness] // *Tatarica*. No. 3. Pp.185-203. (In Russian)
- Pushkin, A. S. (1985). *Sochineniya: v 3 tomakh. T. I.* [Works in 3 Volumes. V. I], 735 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
- Sayapova, A. M. (2010). *Dialog tvorcheskogo soznaniya A.A. Feta s Vostokom (Fet i Hafiz)* [The Dialogue of Creative Consciousness between A. A. Fet and the East (Fet and Hafiz)]. 165 p. Moscow, Nauka-Flinta. (In Russian)
- Shakh, I. (1994). *Sufizm* [Sufism]. 445 p. Moscow: Kalyshnikov, Komarov i K^o. (In Russian)
- Tukay, G. (2011). *Sochineniya: v 6 tomkah. T. I.* [Works in 6 Volumes. V. I.]. 407 p. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Tatar)

Tukay, G. (2011). *Sochineniya: v 6 tomkah. T. II.* [Works in 6 Volumes. V. II.]. 384 p. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Tatar)

Тынанов, Ю. Н. (1993). *Istoriya russkoy literatury // Literaturnyj fakt* [The History of Russian Literature]. Pp 158-238. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)

Zhirmunskiy, V. M. (1982). *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian Literature]. 558 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 25.06.2016

Поступила в редакцию 25.06.2016

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Albina.Sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Albina.Sayapova@kpfu.ru